

ПИСЬМО К. И. ЧУКОВСКОГО В. Л. и О. В. АНДРЕЕВЫМ

Публикация Ольги Андреевой-Карлайл

Публикуемое письмо К. И. Чуковского, близкого друга моих родителей, считавшего себя литературным крестником Леонида Андреева, содержит не только его суждения, которые живы и интересны (как и суждения его не названной корреспондентки), но и еще раз показывает активную роль семьи Черновых-Андреевых-Сосинских-Резниковых в распространении мало известных в Советском Союзе книг Ремизова. Это было священным семейным делом, в котором каждый из нас принимал участие в те годы, как в эмиграции, так и в СССР.

Моя скромная заслуга состояла в том, что я познакомила соседа Томаса Уитни (Thomas Whitney) – известного знатока и коллекционера искусства русского авангарда – с книгами и рисунками моего второго крестного – А. М. Ремизова (моим крестным отцом был Борис Зайцев, но, по мнению Ремизовых, он плохо исполнял эту роль, и после смерти Серафимы Павловны, моей крестной, Алексей Михайлович взял на себя роль крестного отца).

В семидесятые годы мне удалось убедить Томаса Уитни выдать небольшую стипендию Н. В. Резниковой, чтобы дать ей возможность завершить ее талантливую книгу “Огненная память” (Berkeley 1980), которая дает уникальную картину жизни и творчества Алексея Михайловича в Париже.

Моя мать, Ольга Викторовна Андреева, и моя теть, Ариадна Викторовна Сосинская (жена В. Б. Сосинского, упомянутого в письме Чуковского), помогали Наталье Викторовне переводить на французский язык книгу Ремизова “Подстриженными глазами”, которая впервые полномасштабно представила Алексея Михайловича читающей публике.

Текст письма публикуется по оригиналу, хранящемуся в моем личном архиве (США, Сан-Франциско).

К. И. Чуковский – В. Л. и О. В. Андреевым

Дорогой Вадим Леонидович!¹

Дорогая Ольга Викторовна!²

Из всех книг Ал<ексея> Мих<айловича> я больше всего полюбил “В розовом блеске”.³ В книге прекрасно передана предреволюционная атмосфера, отразившаяся в героической и самоотверженной русской девушке (Серафиме Павловне). И как я упрекаю себя, что во время наших питерских встреч не взгляделся как следует в Сераф<иму> Павловну, не оценил её благородной и гордой души. Воспринимал её как розовощёкую полную жену Ал<ексея> М<ихайлови>ча, с ямочками на щеках, с неизменной улыбкой. У Мережковского, у Сологуба, у Роз<анова> она больше молчала, никогда не вступая в споры – и только теперь я вижу, что, в сущности, я знал её тень, а не её. Утешаюсь лишь тем, что и она видела не меня настоящего, а того препротивного Чуковского, который проецировался в тогдашних газетах. Но вообще отвратительно, что мы так часто не умеем ощутить самую сердцевину человека и видим лишь ту кору, в которой эта сердцевина упрятана.

Книги Ремизова я даю читать своим друзьям и приятельницам. Вот письмо, полученное мною от одной из них:

– Я кончила “В розовом блеске”. Поначалу была в восторге – ритмическая проза, музыкальная, без этих досадных “сказал он”, “на другой день” и т. д., делающих для меня совершенно несносной беллетристику наших дней. И как много лиц, событий, почти не объясняя ничего, он впихивает в наши мозги! Атмосфера, которую описывает Рем<изов>, мне знакома по “Дневникам Дьяконовой”, курсистки на рубеже двух столетий. Судя по этому, очень “похоже”. Но дальше со 2-й части странная вещь происходит: приём письма тот же, а “музыка” пропадает! Может быть она слишком монотонна и читательское ухо, привыкнув, перестаёт воспринимать её как музыку – гам, гул, интонация, речитатив, а в результате падает и чисто читательский интерес... То, что ему кажется написанным “кровью сердца” – о смерти С. П., как часто это бывает, оказалось слабее всего. Но конец – архив Довгелло произвел на меня неожиданно сильное действие и я опять подумала: нужно обладать чер-

¹ В. Л. Андреев (1903–1976) – писатель, сын Леонида Андреева.

² О. В. Андреева, урожденная Чернова (1903–1979) – жена В. Л. Андреева.

³ Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк 1952.

товски сильным музыкальным чутьём, чтобы так кончить эту книгу. Голоса предков как-то органно, просто, торжественно звучат – в письмах, без телеграфно-телефонно-самолётного времени, есть что-то волнующее, исчезнувшее из современной переписки – письмо идёт долго, значит, в нём новости должны быть солидные, которые не испортятся в пути: болезни, балы, смерти. Какое удивительное письмо о смерти Прокофия. В самом начале – “Петербург” – мне показалось, что Рем<изов> переключается <?> с Алексеем Толстым – с его началом “Хождения по мукам” но может быть даёт другие более ранние ассоциации, кот<орые> мне в голову не приходят по моему бескультурью”.

Вот.

Я переписал это письмо, чтобы Вы видели, что книги Ал<ексея> Мих<айловича> не лежат у меня без движения – и что память его мне дорога.

Целую Вас обоих. Привет детям. Был здесь В. Б. Сосинский. Я был ему очень рад. Ещё раз убедился, что он умеет обуздывать своё “мефистофельство” – деятельной добротой и вниманием к людям. А “мефистофельство” в нём есть – и большое.

Алёша⁴ процветает – на Ленинских горах, в Университете – я слышал от его товарищей чудесные отзывы.

Спасибо дорогой Вад<им> Леонидович за то, что вы сообщили об Оле⁵ – о её детских словах...

12. IX (IV?) 58

Ваш К. Чуковский

⁴ Имеется в виду Алексей Владимирович Сосинский, сын В. Б. Сосинского.

⁵ Имеется в виду Ольга Вадимовна Андреева-Карлайл. Очевидно, речь идет о подборе материала для книги К. Чуковского “От двух до пяти”.

50 р.

ЭРМИТАЖ

ПРОГРАММА — ЖУРНАЛ

ТЕАТРЫ. КОНЦЕРТЫ № 12 ХРОНИКА. КИНО. СПОРТ.
ВЫСТАВКИ. АУКЦИОНЫ ПРОГРАММЫ. ЛИБРЕТТО.

Рис. П. Удальцова.

А. П. ЗОНОВ.

Журнал "Эрмитаж" с портретом-некрологом А. П. Зонову. 1922